

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЕЙ М. Н. ШМЕЛЕВОЙ И С. И. ВАЙНШТЕЙНА О ПРОБЛЕМАХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Г. В. Старовойтова

Содержательные выступления С. И. Вайнштейна и М. Н. Шмелевой отвечают давно назревавшей потребности обсудить методы полевой работы этнографов. Почти со всеми мыслями и предложениями авторов хочется согласиться, но тема заставляет посмотреть на проблему несколько шире, не касаясь деталей.

Своевременность настоящей дискуссии связана с двумя обстоятельствами: а) расширением предметной области нашей науки, в частности, включением в ее проблематику изучения современности; б) досадным методическим и особенно методологическим отставанием ее исследовательских средств — по сравнению как с близкородственными естественными науками (антропологией, географией), так и со смежными гуманитарными дисциплинами (прежде всего, лингвистикой и эмпирической социологией)¹. Говоря о методологии, мы имеем в виду науку о методах — постоянно развивающуюся часть теории познания.

В обсуждаемых статьях значительное место отводится размышлениям об объектах исследования (производственный коллектив, семья, территориальная единица), методах (опрос, наблюдение и др.), средствах фиксации данных (записи, зарисовки, фонограммы и др.) — короче, большое внимание уделяется решению вопроса «Как?», хотя в тени остается вопрос «Что?» — исследовать в поле.

Особенно остро этот вопрос стоит при этнографическом изучении современности — если иметь в виду не столько хронологическую современность (все пласты культуры, существующие сегодня), сколько стадиальную — лишь типичное для современности или несущее в себе зародыш будущего. Например, что следует наблюдать этнографу, решившемуся изучать население современной Москвы? Или Нью-Йорка? Токио? Вероятно, ответы на эти вопросы будут далеки от полноты и ясности. Думается, что это тема особого разговора, к которой стоит вернуться. На сегодня же бытует негласное представление, что стоит выйти «в поле», и этнографическая действительность сама предоставит внимательному наблюдателю широкий ассортимент научных фактов. При этом упускается из вида методологическое положение о том, что факт становится научным только в рамках какой-либо концепции относительно предмета исследования. Любое, сколь угодно большое количество эмпирических наблюдений не гарантирует правильности их истолкования. Само профессиональное восприятие подготовлено обоснованной теорией².

* См. Сов. этнография, 1985, № 3.

¹ Заметим, что рассказ о правилах применения анкетных методов в полевой практике, имеющийся в статье М. Н. Шмелевой, выполняет полезную функцию социологического «ликбеза», но не может освободить этнографа, решившего использовать массовый опрос, от необходимости обратиться к специальным учебникам по методике и технике конкретного социологического исследования.

² Подробнее об этом см.: *Поппер К.* Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983; *Швырев В. С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М.: Наука, 1978.

Нечеткость исследовательских программ, недостаточность этапа камеральной обработки предыдущих материалов таят пресловутую угрозу «ползучего эмпиризма». Уместно вспомнить слова А. Эйнштейна о том, что в принципе абсолютно неправильно пытаться обосновать теорию с помощью одних только наблюдений, поскольку именно теория решает что мы должны наблюдать. Выбор конкретных методов исследования диктуется развивающимися представлениями о предмете нашей науки.

Некоторые методологические проблемы познания, разработанные вслед за физикой в социологии³, еще, к сожалению, не учитываются этнографами. Назовем две из них.

Принцип дополнительности. Идея дополнительности (комплементарности) отражает разные аспекты исследовательского вмешательства в реальность. Этнограф-полевик неизбежно взаимодействует с «полевой ситуацией» и оставляет в поле «следы» своего пребывания. Сам процесс наблюдения (или опроса) обычно влияет на изучаемую этнографическую реальность, и исследователь не получает данных в чистом виде, не зависящих от метода их сбора. Так, В. С. Кондратьевым было показано влияние национальности интервьюера (в сопоставлении с национальностью респондента) на достоверность получаемой информации⁴. Непрофессионально составленные вопросы этносоциологической анкеты тоже могут предопределять содержание ответов.

Отношение к исследователю, посещающему семью (допустим, в абхазском селе), как к гостю вводит в действие «гостевой» этикет, определяет наличие мясных блюд во время трапезы и т. п. При повторении ситуации и в других домах доверчивый исследователь может заключить, что подобный стиль общения является повседневным у сельских абхазов.

Остаточные «возмущения» в поле, вызванные присутствием этнографа, могут исказить картину, увиденную им же или другим исследователем при следующем обращении к тому же объекту, а иногда и повлиять на реальную этнокультурную ситуацию. Так, население, подвергнутое однажды опросу, в следующий раз будет давать ответы, соответствующие сложившимся в этой среде представлениям об ожиданиях исследователя, демонстрировать свою осведомленность о его целях и т. п.

Массовый этносоциологический опрос, уделяющий большое внимание сохранности этнической специфики в группе, стоящей на пути к естественной ассимиляции, может приостановить этот процесс, спровоцировать актуализацию этнического самосознания.

Закупка у населения предметов народных промыслов для этнографических музеев повышает в глазах владельцев их ценность (а затем — и закупочную цену) и может стимулировать возрождение традиционного производства для сбыта его изделий туристам и т. д.

Проблема «ролевого расстояния». Человек в своей профессиональной роли не тождествен личности в целом. Ролевое расстояние предполагает отстраненность профессионального сознания от обыденного — и особое профессиональное видение объекта. К этому же относится методическое требование такого смещения профессионального восприятия, которое налагает запрет на аксиологические суждения с позиций здравого смысла. Например, объективному анализу явлений каннибализма не будут способствовать используемые исследователем в житейской практике представления о добре и зле.

Профессиональное сознание этнографа с легкостью «включается» в тех случаях, когда он находится в иноэтнической, тем более — в экзотической среде, или сталкивается с архаическими явлениями собственного этноса (архаика — его «экзотика»). Гораздо труднее осознать собственную обыденную жизнедеятельность как явление, этнически и эпохально

³ Например, идея комплементарности, дополнительности, см. Bohr N. Atomic Physics and Human Knowledge. N. Y., 1958; Алексеев Н., Бородин Ф. Принцип дополнительности в социологии. — В кн.: Количественные методы в социальных исследованиях. М., 1968.

⁴ Кондратьев В. С. Эксперимент ex post facto в социологическом исследовании. — Сов. этнография, 1974, № 2.

своеобразное, — т. е. как предмет своей науки. В этом случае до сих пор не вполне преодолена та недооценка местной специфики, которая встречалась в ответах корреспондентов на программу Русского Географического общества («соха — обыкновенная» и т. п.). Дальнейшее уяснение границ предметной области нашей науки могло бы облегчить проведение демаркационной линии между профессиональным и обыденным сознанием этнографа-полевика.

Учет этих и других методологических проблем полевого исследования позволит уменьшить искажения этнографической реальности в научном отражении.

В статье С. И. Вайнштейна выражена понятная тревога, связанная с быстрым исчезновением незафиксированных памятников культуры и быта. Автор призывает описать их «с максимально возможной тщательностью и полнотой», с чем трудно не согласиться. С другой стороны, не будем забывать, что охранная деятельность и охранное законодательство в сфере истории культуры — явления относительно недавние. Вся история мировой культуры — это, в известной степени, история безвозвратной гибели отдельных памятников и целых культурных пластов. Погибли Древний Рим и города американских индейцев, великие цивилизации Азии. Только в XVII веке от случайного взрыва хранящегося в нем пороха разрушен афинский Акрополь... Осознание ценности культурного наследия — продукт общества, внимательно рефлексирующего самое себя и свои исторические истоки.

Однако масштабы этой рефлексии принципиально ограничены людскими, временными и материальными ресурсами. Тотальная фиксация всех явлений традиционно-бытовой культуры (уходящих или реально существующих в современности) во всем их региональном разнообразии, у всех многочисленных народов нашей страны — задача явно невыполнимая (вероятно, даже при условии неограниченности ресурсов общества). Ведь речь идет не только об элементах материальной культуры, но и о целых комплексах застройки, бытовых укладах, целостных системах духовной культуры — не так ли? Полная фиксация всего контекста уходящего образа жизни непроизвольно способствовала бы частичной консервации архаики.

Ограниченность масштабов доступной в сегодняшнем этнографическом поле информации, которая может быть зафиксирована, выдвигает проблему очередности или приоритета — что следует фиксировать в первую очередь? То, что быстрее исчезает? То, что кажется ценнее с точки зрения истории культуры или практических нужд сегодняшнего дня, например, народные знания, связанные с системами традиционного жизнеобеспечения в конкретных экологических условиях, — в сведениях такого рода часто испытывает потребность современное сельскохозяйственное производство. С. И. Вайнштейн остановился, главным образом, на «пробелах» в изучении народного искусства, но, наверное, не менее насущно изучение экологически разумных систем природопользования, способов изготовления и методов работы традиционных орудий труда и т. д. — носители этих знаний уходят на глазах.

Наконец, в связи с размышлениями об охране памятников культуры и быта, можно поставить вопрос об определении этнокультурного памятника и выделении его специфики по сравнению с археологическим, историческим, фольклорным памятником. Выработка такой дефиниции служила бы развитию методологии полевой этнографической работы. Не претендуя на решение этой задачи, выскажем некоторые соображения. Представляется, что в число этнокультурных памятников должны войти комплексы традиционной деятельности и традиционной духовной культуры народов — в отличие от памятников так называемой материальной культуры, которые во многих случаях можно отнести в разряд археологических или памятников искусства. Иначе говоря, памятники этнической культуры и быта могут быть не только «привычно-материальными» (это качество — прерогатива археологических памятников) и не обязательно воплощают *продукты* человеческой деятельности, но также и

способы деятельности, передающиеся преимущественно визуальным путем. В связи с этим дополним список средств фиксации, предлагаемый М. Н. Шмелевой, киносъемкой и видеозаписью; более того, поставим их на первое место и выразим сожаление, что студенты-этнографы пока не получают соответствующих навыков.

Другая особенность этнокультурных памятников — их массовость, типичность, заурядность — скажем, по сравнению с памятниками искусства, отличающимися своей художественной исключительностью. Явления традиционной духовной культуры — памятники особого рода: нередко они сохраняются только в этническом сознании носителей культуры и ненаблюдаемы (нужны специальные средства для их «извлечения»). Можно допустить, что «памятники» такого рода тоже нуждаются в охране — как и природная компонента этноэкологии. Весьма вероятно, что скоро мы будем ставить вопрос о защите и сохранении некоторых этнических стереотипов поведения, элементов этикета и других ценностей этнических культур — например, представление о ценности личности, уважение к старикам, гостеприимство, традиции трудового воспитания детей и др. Думается, что проблему сохранения духовного богатства этноса можно отнести к числу этноэкологических проблем. Таковы предварительные замечания о методологии полевых исследований и о рамках охранной деятельности в сфере этнической культуры.

В. И. Козлов

Я не считаю себя профессиональным этнографом-полевиком, однако за длительный период занятия этнографией мне пришлось неоднократно участвовать в этнографических экспедициях либо иметь дело с материалами таких экспедиций, а последние 5 лет я бывал куратором или руководителем нескольких этнографических отрядов, работавших в республиках Закавказья по комплексному изучению явлений «группового (популяционного) долгожительства». В связи с начатой журналом дискуссией об актуальных вопросах полевых этнографических исследований хочется высказать некоторые соображения.

Приходится прежде всего отметить, что статьи, открывшие дискуссию, не столько ставят вопросы для обсуждения, сколько дают к этому повод. Так, видимо, никто не будет оспаривать положение С. И. Вайнштейна о необходимости изучения традиционной культуры, в том числе и ее «старотрадиционных» элементов, возникших в докапиталистический период. И, конечно, очень жаль, когда какие-то элементы культуры или даже ее региональные комплексы исчезают еще до того, как их надлежащим образом зафиксировали в материалах этнографических экспедиций и изучили. Думаю, никто не будет оспаривать и желательность ликвидации различных «белых пятен», относящихся, например, в сибиреведении к области «народных знаний» (этнокосмология, этномедицина, этноэкология и др.), а также целесообразность создания и расширения особой службы по «охране и изучению материальных этнографических объектов (жилищные и хозяйственные постройки, культовые сооружения и пр.), которым грозит разрушение в зоне новостроек». Все это — не «актуальные вопросы», как заявлено в названии статьи С. И. Вайнштейна, а давно известные установки, либо более или менее актуальные проекты. Реальные вопросы, если угодно, заключаются в том, сколько научных и научно-технических сотрудников, сколько времени и средств потребуется для осуществления этих проектов и где взять эти силы и средства, какая роль в этом отводится Институту этнографии АН СССР, а какая — местным этнографическим и краеведческим работникам, и т. д. и т. п.

Замечу также, что «белые пятна» лучше всего выявляются при сплошном картографировании тех или иных этнографических объектов

и явлений, но каждый, кто с этим сталкивался (а мне пришлось заниматься этим при курировании работ по историко-этнографическим атласам «Русские» и «Народы Прибалтики»), знает, как много сил и времени уходит на эту работу и какой малоблагодарной в научном отношении она нередко оказывается. Случается, что трудоемкий сбор полевых или архивных материалов при ликвидации того или иного «белого пятна» не имеет сколько-нибудь существенного научного значения, что фиксация проводится в лучшем случае лишь для частичного уточнения «типологизации», что составленные этнографические карты не подвергаются должному сравнительному научному анализу и просто пополняют обширные груды «этнографических источников». Возможно, эти груды интересуют наших коллег в будущем, и те, покопавшись в них, напишут еще сотню кандидатских, а то и докторских диссертаций, но для нашей «лихорадки буден» они, к сожалению, малополезны. Мне представляется, что эти обстоятельства в немалой степени вызвали постепенное угасание интереса к развернутой лет 15 назад работе по созданию серии историко-этнографических атласов различных регионов страны.

Что касается статьи М. Н. Шмелевой, то в ней особых вопросов для обсуждения также нет, хотя некоторые ее положения представляются дискуссионными. Заявление о том, что этнографы-полевики должны изучать современность «с целью поиска и фиксации бытовых форм и явлений», выглядит не менее правильно, чем призыв С. И. Вайнштейна изучать «традиционное». Некоторое возражение вызывает лишь определение автором «современности». «В применении к нашей стране,— пишет М. Н. Шмелева,— современность в узком значении — это период развития социализма, в широком — более длительный исторический период. Думается, современность во втором значении вполне правомерно рассматривать как исторический период, начавшийся после победы Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало коренным изменениям в культуре и быте народов СССР. Так, собственно, и принято в советской этнографической литературе». Не спорю, что в духовной культуре народов СССР 1920-е годы были очень важным этапом, хотя считать все нововведения тех лет «современными» было бы, видимо, неправильно. Мне понятно и чем-то вызванное желание некоторых этнографов изучать, например, лапти и соху, широко бытовавшие в начале 1920-х годов и, кстати, мало отличавшиеся от лаптей и сох, бытовавших в дореформенной России, но выглядеть при этом исследователями «современности». Тем не менее в такой сдобородой «современности» столь же мало смысла, сколь и в обличенном одним из героев романа «Мастер и Маргарита» понятии «осетрина второй свежести». Современность — это, на мой взгляд, период, отстоящий от настоящего времени лишь на 10—20 лет, и его, видимо, вряд ли стоит прямо связывать даже с эпохой развитого социализма, которая, очевидно, продлится еще длительное время, когда многих современников этой дискуссии, увы, уже не будет в живых, и появится новая «современность».

В другом месте статьи М. Н. Шмелева более правильно определяет «основу полевой собирательской работы этнографов» как «непосредственное наблюдение жизни народа». Хорошо читаются и другие истины, например о том, что нужно «адекватно отображать действительность», выделяя при этом «старое, консервативное, пережиточное, и новое, прогрессивное». Но здесь хочется заметить, что, к сожалению, не всякое «новое» является прогрессивным. Нельзя не поддерживать и призыв вскрывать «исторические корни функционирующих этнографических явлений», что смыкается с призывом С. И. Вайнштейна изучать традиционное. Некоторое сомнение вызывает лишь предложение М. Н. Шмелевой полагать основной единицей этнографического обследования «трудовой коллектив». «Выделение трудового коллектива в качестве единицы обследования современного сельского и особенно городского (!?) населения как своего рода базы для углубленного изучения не только производственного и общественного, но в известной степени и домашнего быта обусловлено той большой ролью, которую играет само обществен-

ное производство в жизни народа». Аргументация со ссылкой на «большую роль» общественного производства здесь не вполне убедительна. Конечно, этнографы должны изучать этнографическую роль производственных коллективов, но в отличие от экономистов и социологов они призваны концентрировать внимание не на «производственном и общественном», а главным образом на домашнем быте, причем этот быт связан с трудовым коллективом, особенно в городе, не в «известной», а нередко лишь в малой степени; иногда (например, в сфере родильных обрядов) он с ним почти совсем не связан. Поэтому основной единицей этнографических обследований, по моему мнению, была и, очевидно, остается семья, взаимодействующая так или иначе с другими семьями не только в производственном, но и в других отношениях (например, в территориально-соседских).

Каждому научному работнику, в данном случае этнографу-полевому, приходится сталкиваться с вопросами: «Что» (и «Где») изучать? «Зачем изучать» и «Как изучать?» На вопрос «Что изучать?» С. И. Вайнштейн и М. Н. Шмелева отвечают весьма широко: изучаться должны все этнографические объекты и явления — от старотрадиционных до современных; круг этот поистине необъятен, и каждый может найти в нем привлекательную в том или ином отношении «экологическую нишу», чтобы фиксировать и изучать соответствующие объекты и явления. Вопрос: «Зачем изучать?» (и «Зачем фиксировать?») перед авторами не встает; видимо, считается, что уж такая эта наука, что призывает изучать все неизученное или малоизученное. Остается вопрос: «Как изучать?» С. И. Вайнштейн пишет, что нужно совершенствовать методику полевых исследований, а М. Н. Шмелева перечисляет основные методы сбора материалов, включая массовые анкетные обследования. Возражать против таких общих, а то и идеализированных положений не вполне удобно и даже как-то не «академично», но без этого, видимо, не обойтись.

На этом я заканчиваю краткий обзор статей С. И. Вайнштейна и М. Н. Шмелевой и перехожу по необходимости к столь же краткому изложению некоторых дополнительных соображений, связанных с полевой работой этнографов вообще, и сотрудников Института этнографии АН СССР в частности. Эта конкретизация представляется необходимой из-за сильного изменения научно-этнографической ситуации в нашей стране за последние десятилетия. В 1950-х годах, когда еще молодой (по времени основания) Институт этнографии развертывал свои исследования, в том числе и экспедиционную деятельность, в научных учреждениях и краеведческих музеях национальных республик и областей этнографических кадров почти не было. Поэтому сотрудникам Института этнографии приходилось работать почти везде, фиксировать и изучать почти все, фактически же из-за недостатка сил и средств работать кое-где, а фиксировать и изучать кое-что. С того времени научных кадров в соответствующих секторах Института прибавилось не так уж много, но зато на местах появилось значительное число этнографов, археологов, краеведов. Только в Азербайджанской ССР, например, имеется несколько десятков специалистов, занимающихся фиксацией и изучением местных этнографических объектов и явлений, в то время как в секторе народов Кавказа Института этнографии нет ни одного специалиста по Азербайджану или по азербайджанцам. В Азербайджане, конечно, еще осталось множество «белых» в этнографическом отношении «пятен», но это не значит, что Институт этнографии должен организовывать экспедиции для их ликвидации — а именно это следует из призыва С. И. Вайнштейна. Вряд ли целесообразно нацеливать научных сотрудников центрального академического учреждения страны и на полевые работы по фиксации исчезающих старотрадиционных этнографических объектов, если такую работу могут и должны выполнять научно-технические сотрудники местных научных учреждений.

Если не витать в облаках, а оставаться, так сказать на грешной земле, то приходится исходить из того, что фиксировать и изучать, видимо, надо не все, а лишь то, что важно и актуально как в научном, так и в

практическом отношении, причем сотрудники Института этнографии АН СССР в своих полевых исследованиях вряд ли должны стремиться как-то дополнять работу местных этнографов. Их основные задачи, очевидно, другие. Важной задачей является, например, апробация новых перспективных методов этнографической работы по традиционной или какой-то новой проблематике, а также организация и проведение таких исследований. Одним из хороших примеров является деятельность В. В. Пименова и ряда других сотрудников Института этнографии по системному изучению этноса с количественными характеристиками различных его компонент и взаимосвязей между ними в ряде национальных республик страны. Уместно привести и пример полевых работ по оригинальной теме исследования явлений долгожительства в тесной кооперации этнографов с антропологами, медиками и другими специалистами и с использованием новых, в том числе и зарубежных, методик. Местные этнографы обычно играют в подобных работах вначале лишь вспомогательную роль, но, приобщаясь к ним, сами поднимаются на новую исследовательскую ступень. Важной задачей является сбор, а чаще — добор материала для широких обобщающих или сравнительных (межэтнических или кросскультурных) исследований, на которые местные этнографы, ограничивающие свои задачи изучением основной коренной национальности республики, обычно не решаются. Почти все другие задачи полевых этнографических работ в большинстве регионов страны для сотрудников Института этнографии АН СССР представляются, на мой взгляд, частными и относительно маловажными. Впрочем, здесь возможны и исключения, особенно в плане этнографического изучения русского населения, так как за неимением национальной Российской Академии наук с соответствующими институтами все гуманитарные институты Академии наук СССР в той или иной степени принимают на себя связанные с этим обязанности.

А. Н. Жилина

Совершенно закономерна и крайне своевременна поднятая С. И. Вайнштейном проблема скорейшего изучения исчезающих элементов традиционной (по терминологии автора «старотрадиционной») культуры, которые еще сохранились и не зафиксированы исследователями. К сожалению, таких не изученных компонентов культуры у народов Советского Союза довольно много.

Мой опыт участия в работе над историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана показывает, что значительной части необходимых для составления этого капитального труда сведений явно не хватает, и получить их сейчас, ликвидировать «белые пятна» почти невозможно.

Атлас составляется на основе материалов, собранных учеными начиная с дореволюционного периода и до наших дней. Экспедиции последних лет привозят крайне мало сведений по традиционной культуре, отдельные элементы которой катастрофически быстро исчезают. Это и понятно: социалистические преобразования экономики и культуры народов Средней Азии и Казахстана коренным образом изменили их образ жизни, материальную и духовную культуру. Почти полностью сменилась одежда, исчезли многие детали традиционного костюма, позволяющие восстановить его эволюцию; «воссоздать» эти элементы можно преимущественно опросным путем. Перестали существовать отдельные виды ремесел, ушла в прошлое часть праздников, обычаев и обрядов. Не зафиксированные своевременно этнографами компоненты культуры можно считать утраченными для истории народа.

Сейчас практически невозможно найти жилище, построенное в конце XIX — начале XX в., не говоря уже о жилище более раннего времени. Причем процесс смены типов сельских жилых домов происходит повсеместно как в пригородных районах, так и в отдаленных от центров

местах, где еще до недавнего времени бытовали локальные типы традиционного жилища.

В последние годы в Средней Азии и Казахстане постепенно меняется облик сельских поселков, которые застраиваются домами внешне почти не отличающимися от сельских домов других регионов Советского Союза: те же строительные материалы (обожженный кирпич, бетон, панели заводского изготовления), сходная планировка, одинаковые коммунальные удобства (электричество, газ, водопровод).

Безусловно, переход к благоустроенному жилью в поселках, где сосредоточены культурные, административные и торговые центры, отвечающие требованиям современной жизни,— процесс прогрессивный. Но здесь таится и опасность распространения единых стандартов, которые вытеснят национальные особенности поселений и жилища, приведут к утрате экологически разумных приемов домостроительства, к унификации многих сторон бытовой культуры. Поэтому совершенно правомерно постановка С. И. Вайнштейном вопроса о скорейшем создании музеев под открытым небом, этой сокровищницы бытовой традиционной культуры народа, в тех республиках и областях, где они отсутствуют. С сожалением приходится констатировать, что в таком огромном регионе, как Средняя Азия, подобного музея нет. Если же принять во внимание, что подавляющее большинство сельских жилищ в прошлом строилось из глины, материала недолговечного, легко поддающегося разрушению, станет ясно, насколько актуальна здесь эта проблема.

Уже исчезли такие удивительные виды построек, как укрепленные усадьбы — дома-крепости в Хорезме, оборонительные башни-динги в Туркмении, древнейший тип дома, имеющий в потолке светодымовое отверстие, оформленное в виде сруба и т. д. Перечислять все здесь не имеет смысла. При создании музеев под открытым небом эти постройки придется возводить заново по тем чертежам, рисункам и описаниям, которые были сделаны в свое время этнографами.

Пока еще живо поколение носителей традиционной культуры, способное восполнить некоторые пробелы в наших знаниях. Но этим людям сейчас от 70 до 80-ти лет и больше — возраст весьма критический. Следующее поколение, родившееся и выросшее в советский период, знает уже намного меньше о культуре своего народа в прошлом. Значит необходима скорейшая организация полевых исследований для изучения «белых пятен» в традиционной культуре народов Советского Союза.

Из сказанного вытекает и еще один аспект этой проблемы — важность правильной организации экспедиционной работы. Здесь не хотелось бы говорить о сложностях, с которыми начальники отрядов сталкиваются каждый год — нехватка машин, устаревшее оборудование, подчас отсутствие современной аппаратуры — магнитофонов, фото- и киноаппаратов. Но именно в них, на мой взгляд, причина сокращения числа больших экспедиций и увеличения индивидуальных и групповых (2—3 человека) выездов. Последние, разумеется, не в состоянии всесторонне изучить круг необходимых вопросов и собирают материал, как правило, по своей теме. Кроме того, в небольших группах (не говоря об индивидуальных поездках) обычно отсутствуют художники и фотографы. Это привело к некоторому сокращению числа профессионально выполненных рисунков и фотографий, что, кстати, выявилось при подготовке в Институте этнографии АН СССР выставки, посвященной 60-летию образования СССР. А ведь рисунки, чертежи и фотографии имеют не меньшее значение, чем полевые записи.

Однако организация комплексных экспедиций только для изучения исчезающих компонентов традиционной культуры, как предлагает С. И. Вайнштейн, на мой взгляд, не совсем правомерна. Многие традиционные элементы органически вошли в современную культуру, образовав с нею тот сплав, который и составляет нашу действительность. Идет непрерывный процесс изменения и преобразования одних традиций, отмирания других, возникновения и формирования третьих. Отделить их друг от друга иногда бывает крайне сложно и, очевидно, не всегда нуж-

но. Поэтому мне представляется наиболее эффективным «глубинный», если можно так выразиться, сбор полевых сведений — от реликтов традиционной культуры до материалов по современным проблемам, которыми живет изучаемая группа населения (ведь повторного ее исследования может и не быть!). Для этого в отрядах должно быть несколько научных сотрудников, лаборанты, фотограф и художник. Опыт организации таких комплексных экспедиций в Институте есть. Пройдет еще 20—30 лет и о нашем времени можно будет судить по тем сведениям, которые собрали этнографы сейчас.

Не менее важен вопрос о качестве полевых записей и экспедиционных отчетов, которые, к сожалению, не приравниваются к научной продукции сотрудников, отсюда и отношение к ним как к работе второго плана. Причина, на мой взгляд, в отсутствии четких требований к отчетам. В результате одни отчеты содержат лишь перечень собранных сведений и обследованных пунктов, другие — не только подробное описание полученного материала, но и предварительные выводы. Последнее, разумеется, весьма трудоемко, так как требует тщательной обработки полевых записей.

Важным путем повышения эффективности и качества собранных полевых материалов и научных отчетов является разработка и совершенствование методики экспедиционных исследований. Многие имеющиеся программы и вопросники просто устарели. Поэтому участники экспедиции вынуждены вносить в них свои коррективы, что приводит к несопоставимости собранных материалов и научных отчетов.

Новые методические разработки должны быть подготовлены с учетом не только возможных особенностей малоисследованных исчезающих компонентов традиционной культуры, но и максимально полной фиксации материалов по современности.

Важность научных экспедиционных отчетов и полевых записей, составленных по единой методике, очевидна, ибо именно эти материалы служат основой для разработки крупных теоретических проблем.

Г. Н. Грачева

Постановка и обсуждение проблем полевой этнографической работы на страницах центрального органа нашей науки весьма своевременны. Профессионально собранный в поле материал представляет неоценимый исторический источник, к которому постоянно обращаются многие поколения исследователей, рассматривающих вопросы этногенеза и этнической истории, культурного и социального развития, взаимовлияния культур, динамики мировоззрения, или занимающихся проблемами типологизации, формализации этнографического знания.

Полевой материал этнографа, какой бы области народной жизни он ни касался, обладает счастливой особенностью всегда интересовать представителей многих, если не всех гуманитарных наук. И не только гуманитарных. Архаичные формы мировосприятия, объяснения мира, обряды или обычаи, бытовое поведение, которые воспроизводятся и фиксируются, могут служить иллюстрацией не только социальных процессов, религиозного мировоззрения или верований, но и процесса развития знаний о мире, а в сопоставлении с данными смежных наук — развития процессов познания. Можно сказать, что этнографический материал входит в сферу любой науки либо как ее история, либо как смежная дисциплина и занимает важное место во всей системе человекознания.

Каждый, кто занимается историческими разработками, знает, какую ценность представляют этнографические источники прошлых лет, как вылавливается по крупицам нужная информация, и как благодарен исследователь тем немногим свидетельствам, которые дают возможность воссоздать бытовую обстановку, нормы поведения, черты миропонима-

ния, элементы культовой практики отдаленных от нас времен этносов. Поэтому, в частности, так важна квалифицированная фиксация этнографических фактов и процессов. То, что фиксируется сейчас, в эпоху широкого промышленного освоения земли, интенсивных процессов метизации, замены этнических форм культуры надэтническими, то, что этнограф сумеет запечатлеть в своих полевых записях, останется неповторимым историческим источником фундаментом дальнейших научных поисков.

Вместе с тем каждая эпоха, каждая следующая ступень развития науки выдвигает новые задачи, которые изменяют уровень и направление полевой работы, заставляют подойти по-иному к сбору и фиксации получаемых в процессе полевой работы данных. Опыт многих поколений этнографов, работавших в области духовной культуры, показывает, что на их восприятие, способы фиксирования и интерпретации полевых данных всегда в той или иной мере оказывает влияние теоретическое состояние современного им знания. С этих позиций создаются программы сбора материала, планы, вопросники. Они обычно направлены на выявление определенной группы фактов или информации по определенному кругу явлений. Хорошо составленный, продуманный до мелочей вопросник очень полезен для начального этапа сбора материала по любой теме, для опоры на общие моменты этнических культур определенного ареала. В море локального и индивидуального разнообразия вариантов традиционных явлений он может быть сравним с неким поплавком или спасательным кругом, который берет с собой человек, теоретически знающий как можно плавать.

Вместе с тем иногда вопросник, составленный на основании знания одной или нескольких локальных культур, примененный для сбора материала в другой культурной среде, накладывает на получаемые полевые данные определенную печать. Он часто мешает выявлению своеобразия и вариативности традиции, отчасти диктует предвзятый подход к материалу. Наблюдения и работа за пределами вопросника всегда выявляют особенности и уникальные черты, которые не были обнаружены в других регионах. Однако, при перепроверке может оказаться, что там они упущены. Бытовые ситуации чрезвычайно разнообразны, интерпретация одних и тех же действий в разных ситуациях может быть неоднозначной, что уловить бывает довольно трудно. Показательно, что черта или особенность, подмеченная исследователем в одном районе, заставляет при работе и в другом районе обратить на это внимание. Нередко в той или иной форме подобные черты выявляются, или же они отсутствуют, что уже служит показателем для определенного круга бытования элемента культуры и включения его в дальнейшие межэтнические разработки.

Та или иная тема или поставленная задача диктует и определенную методику сбора данных. Если ставится сверхзадача «собрать все», исследователь, конечно, получит материал, все-таки распределив это «все» по разделам и в силу своих возможностей соответственно постарается по-разному подойти к каждому из них. Но он не затронет глубинных слоев культуры, знание которых так необходимо науке. В этом случае при отдаленных тематических сравнительных разработках необходимые моменты наверняка окажутся упущенными. Мы давно уже сетуем на то, что отсутствуют сравнимые данные, так как нет единых методик сбора полевых материалов. Такие единые методики, думается, могут быть лишь тематическими. В этом отношении историко-этнографические атласы и ареальные исследования служат прекрасными примерами реализации результатов целенаправленной единой методики сбора сравнительно ограниченного круга фактов.

Комплексные полевые исследования могут также проводиться с применением тематических методик. При постановке иных задач снова окажется, что фактов недостаточно и нет сравнимого материала. Этот процесс постоянен, как постоянно расширение наших знаний о мире и его закономерностях.

Этнография знает разные методы и приемы сбора полевого материала. От широкого обследования обширного по территории района, например зоны затопления, до длительной работы только с одним представителем этноса, от краткой поездки до многолетнего проживания в инокультурной среде. Этнографы-сибиреведы не могут отрицать огромного значения, какое имеют для получения картины жизни этноса опубликованные Б. О. Долгих «Бытовые рассказы энцев» (М., 1962) — редчайший и великолепный пример почти полной публикации полученного полевого материала, сгруппированного вокруг одного стержня. Все «рассказы», включая и автобиографию, были записаны у одного человека, Романа Алексеевича Силкина — Дели Пэдахаз Бай. «Для этнографии, — писал Б. О. Долгих в Предисловии, — бытовые рассказы Р. А. Силкина представляют ценность не только по массе вкрапленных в них бытовых деталей, сведений об обычаях, верованиях и т. д., но своим общим духом, отражением характера взаимоотношений между людьми, вскрывающими такие оттенки этого быта, которые не фиксируются никакими другими методами исследования этнографических явлений» (с. 5).

При разработке отдельных сторон культуры этноса необходима кооперация с представителями смежных наук. Без их участия сейчас зачастую невозможен научный подход к анализу динамики некоторых сторон народной жизни. Но картина народного быта в его этническом аспекте, того, что можно было бы сравнить с пушкинской строкой «здесь русский дух, здесь Русью пахнет», всегда останется задачей полевых исследований исключительно этнографов.

С развитием музейного дела, с организацией широкой сети школьных, сельских, городских, окружных, республиканских краеведческих музеев возможности этнографической работы неизмеримо расширились. Любители краеведы, школьные кружки вносят в нее свой вклад. В некоторых районах музеи для пополнения коллекций, да и просто для того, чтобы уходящие из быта предметы не погибли, применяют подворные обходы для их выявления и по возможности закупки. Благодаря такой кропотливой работе краеведческие музеи обладают сейчас великолепными коллекциями предметов старого быта и культа. Эти вещи не только служат уникальным историческим источником; они — бесценное национальное богатство нашей страны. Вопросы их хранения остро нуждаются в обсуждении.

Наверное никто не станет возражать, что предметные описи или документы паспортизации тоже являются историческим источником. В них должны быть зафиксированы такие детали, чтобы каждый предмет звучал в неповторимом своеобразии своего бытового национального колорита. Для этого при его приобретении необходимо получить и документировать максимум информации. Можно быть уверенным, что при тщательной вещеведческой работе, достаточно полной регистрации, уже будут ликвидированы многие будущие «белые пятна».

Нельзя сказать, что эта работа везде поставлена на достаточно высокий уровень. Очевидно, нужен пересмотр инструкций по регистрации предметов музея и обращению с вновь поступающими вещами. Научная музейная регистрация требует максимального знания быта изучаемой народности.

Думается, что большой разговор о задачах нашей полевой работы, неотделимой от собирательской вещеведческой и хранительской, давно назрел. Весьма желательным было бы проведение Институтом этнографии АН СССР широкой представительной всесоюзной конференции с участием работников краеведческих музеев различных уровней (вплоть до школьных), местных краеведов-собираателей. Наши стремления в деле сохранения для истории уходящих предметов, черт и явлений быта, а значит — в деле формирования полноценных историко-этнографических источников, едины. Обсудить задачи пополнения и состояния нашей современной и будущей научной базы необходимо.